

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Как отмечает С.Татубаев [1], начало научного изучения паралингвистических явлений казахской речи восходит к статье психолога М.М. Муканова, посвященной анализу специфических, присущих казахам невербальных знаков, которые были когда-то вплетены в национальные обычаи и быт. т.е. по терминологии автора, этнически-бытовым знакам [2].

В этой небольшой по объему, но крайне важной по объекту изучения и значимости по лингвокультурологическому подходу статье М.М.Муканов описал и расклассифицировал 28 знаков, 22 знака из которых, по мнению ученого, имеют непосредственные генетические связи с национальными обычаями и кочевым образом жизни казахов, а остальные 6 знаков носят заимствованный характер, частично связаны с религией.

Как можно заметить из статьи, М.М. Муканова невербальные знаки трактует широко, по-

нимая под ними не только жесты, но и знаки, вплетенные в национальные обряды, ритуалы. Главное, чтобы за этими знаками стояло содержание.

Так, М.М. Муканов рассматривает в качестве невербального знака *бас беру* – подношение головы барана почетному гостю за дастарханом, *кормить грудинокой* – знак внимания зятю и т.д. Обосновывая актуальность таких исследований, М.М. Муканов отмечает: «Конечно, изучение этих знаков не преследует утилитарных целей, мы изучаем их не для того, чтобы пользоваться ими. Однако знаки, которые здесь приведены, насколько нам известно, до сих пор никем не описаны. Между тем они сейчас повсеместно исчезают. Поэтому представляется небезинтересным запечатлеть такие штрихи истории развития средств коммуникации между людьми (это, в свою очередь, поможет в создании более адек-

ватной теории коммуникации). Кроме того, поиск в этом направлении должен содействовать уяснению того, как меняются прежние жесты-знаки и появляются новые» [2, с.117].

На наш взгляд, если исходить из того, что знаки неверbalного общения, характеризуясь наличием означаемого (например, определенное отношение к коммуниканту) и означающего (проксемическое действие), используются в коммуникации, то нет принципиального различия между жестами и невербальными знаками. Невербальные знаки в понимании М.М. Муканова близки к знакам – символам (по классификации Ч.Пирса), но, в отличие от них, они характеризуются более сложной формальной структурой, близкой к перформансности, и требуют более глубоких знаний для их декодирования. Сам М.М. Муканов отличие невербального знака от жеста усматривает в том, что «жесты несут в себе некоторую коммуникативную функцию постольку, поскольку сопровождают речь на том или ином языке. Однако самостоятельной функцией не обладают. В отличие от жестов невербальные жесты употребляются специально, часто с сознательным намерением для определенных целей, тогда как жесты протекают непроизвольно» [2, с.110].

В этом мы солидарны с мнением М.М. Муканова, хотя, конечно, тезис о непроизвольности всех жестов имеет отношение прежде всего к эмоциональным жестам. Изначальная сознательная намеренность невербальных знаков как части ритуально – обрядового поведения носителей конкретной национальной культуры подтверждается нашими наблюдениями. Более того, существует целая система передачи от поколения к поколению знания невербальных знаков – символов, существующая прежде всего в рамках семьи. Так, мать обучает детей порядку рассаживания гостей за дастарханом в зависимости от его статуса (места в системе родственных отношений, возраста, социального статуса и др.), распределения наиболее престижных частей специально зарезанного в честь гостей барана, умению вести себя в обществе старших по возрасту, умению ухаживать за гостями и т.п. В настоящее время с подобной информацией знакомятся и через курсы, занятия по культурологии. Каждым знаком подобного рода выражается глубокое содержание.

Мы согласны с М.М. Мукановым в том, что жесты в современном понимании паралингвист-

тов не являются функционально самостоятельными. С.Татубаев, полемизируя с М.М. Мукановым, в качестве аргумента в пользу функциональной самостоятельности жестов приводит следующий пример из

С. Муканова («Өмір мектебі»):

– Ал, кім баласысың, шырагым? – деді манағы мосқал әйел, мен тойынып ап, қолымдағы аяқты кайтарып берген сон.

– Мұқанның баласымын, – дедім мен.

– Қәдімгі Шүкейдің Мұқаны ма, Нұртазаның ауылындағы?

– Мен **басымды изедім**

(С. Муканова. Өмір мектебі. Алма-Ата, 1. 1970. с.14)

С. Татубаев пишет, что в данном примере **бас изеу** – кивок головы означает согласие да. Автор не употребляет слова да, а ограничивается утвердительным жестом [1,с. 16].

На наш взгляд, пример иллюстрирует как раз обратное : максимальную связь жестов с вербальной коммуникацией. Значение утвердительного кивка головы как согласие вытекает из общего контекста приведенного вербального диалога. Вырванный из этого контекста кивок головы лишен какого – бы то ни было значения, следовательно, он не является знаком.

Такой же невербальный знак, как пропуск вперед старшего по возрасту, независимо от того, осуществляется между ними вербальное общение или нет, имеет всегда означаемое – выражение почтения к старшему. Данный невербальный знак связан не вербальной коммуникацией, а культурным контекстом казахского народа, который базируется на такой константе, как уважение к старшим по возрасту. Указанная культурная константа во всем и повсеместно: В первоочередности, в невозможности не соглашаться, следовании советом старших и т.п.

Итак, работа М.М. Муканова, опубликованное еще в 1972 году, четко определила два основных подхода к невербальному общению:

1. широкий подход к объекту паралингвистики, в который, по идее М.М. Муканова, включаются не только жесты как компонент вербальной коммуникации, но и невербальные знаки, характеризующиеся функциональной самостоятельностью и являющиеся частью ритуально – этикетного поведения представителей конкретных культур.

2. лингвокультурологический подход к исследованию жестов и невербальных знаков.

К сожалению, в силу небольшого объема работы М.М. Муканова, в ней дано лишь описание национально – самобытных знаков без глубокого культурологического анализа, что, видимо, и не было возможно в силу других приоритетов лингвистики того времени.

Следующим исследованием, посвященным проблемам паралингвистики, является опубликованная в 1979 году работа С. Татубаева [1], в которой рассматриваются жесты, используемые в общении, дается их классификация: жесты – знаки; жесты приветствия и прощания; ритмические; эмоциональные; изобразительные; указательные.

Исследования С. Татубаева представляет интерес тем, что в ней реализован функционально-семантический подход, т.е. основанием классификации жестов послужила функция и семантика. Автор дал подробный анализ более 60 жестов, определив такие параметры, как:

1) точное описание жеста; 2) семантика жеста; 3) наличие вариантов; 4) иллюстрация из художественного текста; 5) наличие – отсутствие фразеологизмов, основанных на данном жесте; 6) наличие – отсутствие гендерной характеристики; 7) не всегда – привязка конкретной коммуникативной ситуации.

Приведем в качестве примера из работы С. Татубаева анализ эмоционального жеста жагасын ұстай.

«Жағасын ұстай» (схватиться за свой воротник). Жест – реалия. Выражает: удивляться, поражаться, ужасаться от какой – либо вести. То есть модальность + эмоциональность. Жест может выступать в качестве реплики диалога в сопровождении соответствующего текста либо без него, но в этом случае с мимикой удивления, ужаса.

1. «Кейінгі жактан Мырзатай келді. Рәзия оны қарсы алды.

- Саған қанша астық түсті?
- Бір жұз жиырма пүт.

Кемпір тағы жағасын ұстады».

(Б.Майлин. Шығармалар. –Алма –Ата,1963.- С.407.)

Подошел Мырзатай. Разия встретила его.

- Ты сколько хлеба намолотил ?
- Сто двадцать пудов.

Старуха в удивлении схватила себя за воротник.

2. «Оны да күтүге болады. Мына баланың аяқ алысы жаман екен, қорқайын дедім, – деді Нысан жағасын ұстап».

(Ә.Қалмұраев. Қарлығаштар. – Алма –Ата, 1970.-С.30)

– Все от него можно ожидать, я начинаю опасаться его поступков, – сказал Нысан, держась за воротник.

«Жағасын ұстай» – эмоциональный жест, в то же время самостоятельный знак, обладающий планом содержания. Может выступать как реплика в диалоге, выражая отношение к сообщению, обращенному как к одному слушающему, так и ко множеству людей. Жест конвенционален.

3. «Үй ішіндегілердің бәрі «астапырылла» деп жағаларын ұстады»

(С. Муканова. Өмір мектебі.-Алма-Ата,1.-1970.- с.33). Все, кто сидел дома, со словами «О,боже», схватились за воротники.

Анализируя жесты, С.Татубаев подчеркивает их консистентивную обусловленность. Так, он указывает, что жесты *кеуде қағу/көкірек қағу* (быть себя в грудь) имеют в основном эмоциональный план содержания, производятся кулаком либо пальцами – большим, указательным или средним, могут быть истолкованы двояко, в зависимости от сопровождаемого текста и мимики – как показатель самонадеянности, зазнайства, либо раскаяния, недовольства самим собой.

« – Құттықтап қой, ертеңнен бастап өз бетіммен жұмыс істеймін. Мына дәденнің кім екеніне көздерін жеткіздім. – Ол қайқыған бес бармағымен кеудесін какты (Ә.Сараев. Бозқырау. Алма-Ата,1973. с. 30)

– Можете поздравить, с завтрашнего дня работаю самостоятельно. Убедились теперь, на что я способен, – он большим пальцем бил себя в грудь».

С другой стороны, исследователь подчеркивает и такие признаки жестов, как семантическую синонимию, когда одна и та же эмоция может выражаться несколькими жестами. Например, сожаление, досада могут выражаться жестом *санын согу* (ударить ладонью по бедру) и жестом *алақанын согу* (ладонью одной руки ударить по ладони другой руки) [1, с.43-44]. При этом первый жест является более употребительным, и он зафиксирован в языке как внутренняя форма фразеологизма *санын согу*.

Как можно судить по анализу материала, С.Татубаев последовательно проводит разграничение жестов по гендерному признаку. Это деление (мужской или женский жест) релевантно и для эмоциональных жестов, и особенно для жестов приветствия и прощания. Так, чисто жен-

ским являются такие жесты приветствия и прощания. Так, чисто женскими являются такие жесты, как *сәлем ету* (женщина левым коленом припадает к земле, руки ладонями вниз одна на другую прикладываются на правое колено), *тәжім ету* [1, с.71-72].

Во время написания работы автор квалифицировал эти жесты как архаичные, уходящие в прошлое. Мы же должны отметить, что такой жест приветствия сохранился в западном регионе Казахстана, а с увеличением количества оралманов из Каракалпакии, Узбекистана начал возрождаться как жест приветствия снохи родственников мужа и на юге страны.

К чисто мужским жестам приветствия С.Татубаев относит *қол алысын амандасу* (брать друг друга за руки), *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру* (младший по возрасту прикладывает правую руку ладонью с разомкнутыми пальцами к груди или к области сердца, голова несколько наклонена вниз), *құшақтасын амандасу* (здороваться, заключая друг друга в объятия), вариантом этого жеста является *қол алысын, төс қағысын амандасу* (здороваться за руки и обняться, буквально коснувшись друг друга грудью). Следует сказать, что все эти жесты приветствия активно используются в настоящее время в общении не только казахов, но и представителей других этносов, проживающих в Казахстане.

Среди эмоциональных жестов к чисто женским С.Татубаев относит такие, как *екі бүйірін таяну* (поза женщины во время оплакивания смерти близкого человека), *бетім-ай* (женщина проводит указательным пальцем по щеке – жест порицания, неодобрения), *бетін шымшу* (женщина щиплет себе щеку большим и указательными пальцами – жест неодобрения, ужаса, стыда).

Попутно отметим, что данные эмоциональные жесты в настоящее время имеют ограниченное использование – в общении коммуниканток старшего возраста, проживающих в сельской местности.

К чисто мужским исследователь относит такие эмоциональные жесты, как *санын согу*, *санын шапалақтау*, *қамиши тастау* (бросить плетку – знак «прошу слова»), *жұдырықты жұдырық-пен ұру* (бить кулаком – знак угрозы).

Как мы отмечали выше, исследование С.Татубаева примечательно вниманием к тонким нюансам функционального характера, касающихся жестов. Так, анализируя жест *арқага қағу* (похлопывать по спине как знак одобрения, дружеского расположения), ученый отмечает, что этот

жест используется «при условии близких отношений и равенства социального положения коммуникантов. Обычно это жест старшего по отношению к младшему, обратное будет восприниматься как нарушение этикета». И, наконец, следует отметить, что С.Татубаев не обошел стороной и проблему трансляции жестов из устной речи в письменный язык, указывая на наличие ряда фразеологизмов, основанных на жестовой семантике. Итак, в работе С.Татубаева обозначены такие аспекты изучения жестов, как асимметрия плана выражения и плана содержания жестов как знака, конситутивная обусловленность жестов, гендерный характер жестов, обусловленность жестов возрастным параметром коммуникантов, исконность /заимственность жестов. Хотя, в отличие от М.М. Муканова, С.Татубаев теоретически ограничивает объект паралингвистики жестами, связанными с вербальной коммуникацией, характер фактического материала, подвергнутого анализу, свидетельствует о том, что ученый выходит за рамки сугубо жестовых знаков. Так, жесты – приветствия, жесты – прощания, такой эмоциональный жест, как *екі бүйірін таяну* можно скорее квалифицировать как этикетно-ритуальные, а не как компонент собственного общения.

К сожалению, подходы к изучению невербальных знаков и знаков – жестов, намеченные в работах М.М.Муканова и С.Татубаева, остались незамеченными, а интерес к паралингвистике возродился лишь тридцать лет спустя.

В 2002 году была защищена кандидатская диссертация С.Б. Бейсембаевой «Невербальные компоненты коммуникации казахского языка.», которая положила начало новому этапу развития казахстанской паралингвистики.

К числу несомненных достоинств этой исследовательской работы следует отнести, во-первых, то, что впервые в казахстанской паралингвистике, помимо кинем, рассматриваются и проксемы, во-вторых, автор, опираясь на теоретические положения Т.М.Николаевой о том, что этикет, накладываясь определенным образом на речь, членит совокупность неречевых элементов по новому основанию – допустимости/недопустимости употребления, выделяет жесты, предписанные этикетом, этикетно – нейтральные и этикетно недопустимые (жесты табу) [3, с. 10].

С.Б. Бейсембаева подчеркивает, что выбор кинесических знаков, во – первых, свидетельствует об отношении говорящего к тем лицам,

которым они адресованы, и, во-вторых, подтверждает знание говорящим структуры общества и учет его обычая в своем общении[3, с.10].

Так же как и работе С.Татубаева, в диссертации С.Б. Бейсембаевой внимание акцентируется на национально – культурной специфике невербальных компонентов коммуникации.

Итак, мы попытались представить историю изучения паралингвистических средств казахского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татубаев С. Жесты как компонент искусства. – Алма-Ата,1979.-112с.
2. Муканов М.М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков //Интелект и речь.Психология. Вып.2.- Алма-Ата, 1972. – С.109-117.
3. Бейсембаева С.Б. Невербальные компоненты коммуникации казахского языка: Автореферат дисс. на со-

искание ученой степени кандидата филологических наук.- Алматы, 2002.- 27с.

Резюме

Қазақ тіл білімінде паралингвистикалық құралдардың зерттелу тарихы қарастырылған, М.М. Мұқановтың, С. Татубаевтың және С.Б.Бейсембаеваның еңбектеріне талдау жасалып, ым- ишара тілінің үлттық-мәдени ерекшеліктері сөз болады. Тілде бейвербалды таңбаларға тек ымдарға жатып қоймай, сонымен бірге үлттық салтпен араласып, сініп кеткен тіл таңбалары кіретіні көрсетілген.

Summary

In article the history of studying of paralinguistic means of the Kazakh language is considered. Gestures in modern understanding of paralinguists are not functionally independent. Nonverbal signs treats widely, understanding as them not only gestures, but also signs, twisted in national ceremonies, rituals. The main thing that behind these signs there was a maintenance.